

На наш взгляд, Алкивиад был последним (и даже анахронистическим) аристократическим лидером в духе доперикловского и даже доклизфеновского времени. В кардинально изменившейся обстановке, в условиях демократического полиса он пытался "играть по старым правилам", использовать традиционные механизмы влияния, характерные для афинской знати архаической эпохи, VII—VI вв. до н. э. Так, он стремился добиться власти посредством богатства и его демонстративных трат, через межродовые связи, путем громадного увеличения своего престижа (этому служило многое — неоднократно исполнявшиеся им литургии, чрезвычайно активное участие в панэллинских играх, да и весь стиль жизни Алкивиада, пышный до экстравагантности).

Именно в традициях архаической аристократии стояла и внешнеполитическая, дипломатическая деятельность Алкивиада. Блестящие аристократы времени архаики (Алкмеон, Мегакл, Писистрат, Мильтиад Старший и др.) во многом основывали свое влияние и внутри полиса, и за его пределами на разветвленной сети внешних (ксенических и матримониальных) связей. Именно это делал и Алкивиад, хотя он, как и в других областях, превосшел здесь всех своих предшественников масштабами и размахом своих предприятий.

Однако эпоха была уже совсем другой. Не связан ли крах всех начинаний Алкивиада (порой действительно гениальных) с тем обстоятельством, что он был своеобразным живым анахронизмом, что он жил как бы в ином историческом времени, нежели вся окружающая его обстановка? Но это могло бы стать предметом отдельного исследования.

И. А. Спивак

ПЕРСЫ И ЭЛЛИНЫ В «АНАБАСИСЕ» КСЕНОФОНТА

Изучение процесса формирования этнического самосознания древних народов затруднительно, во-первых, в силу значительной хронологической продолжительности этого процесса, а во-вторых, из-за имеющихся пробелов в наших источниках. Особо важное место среди последних занимают исторические сочинения: осмысление эллинами роли своего народа в исторических событиях и формирование их этнического самосознания неразделимы.

Принято считать, что этническое самосознание эллинов сформировалось уже в эпоху архаики с закреплением в эллинской культуре дихотомии «эллины — варвары». Период между эпохой архаики и эллинизмом может быть представлен как процесс перевода уже осознанного этнического единства в политическую плоскость. Среди факторов, способствовавших этому, следует выделить, прежде всего, взаимоотношения между эллинами и Персидской державой. В этой связи особый интерес вызывает отражение греко-персидских контактов в исторической литературе Эллады. Точкой отсчета здесь, бесспорно, должно служить сочинение Геродота. Именно «отец истории» впервые изображает разницу между эллинами и персами столь масштабно, что возника-

ет ощущение раскола мира: есть, с одной стороны, Азия во главе с персами, а с другой — Эллада. Очевидно, что победы в греко-персидских войнах у Геродота выглядят как следствие сплоченности эллинов перед угрозой со стороны Ксеркса.

Среди следующих за Геродотом авторов особое значение для решения проблемы имеет труд Ксенофонта «Анабасис». В изображении этого историка Азия существенно отличается от того, как она представлена у Геродота. Сохраняя на протяжении всего текста противопоставление «эллины — варвары», Ксенофонт, безусловно, изображает Азию как единое целое под властью персов. В тексте «Анабасиса» могут быть выделены моменты, как препятствующие, так и способствующие указанному выше процессу этнополитической консолидации Эллады.

Отсутствие политического единства Азии изображается Ксенофонтом, во-первых, посредством описания династических распрей (Кир — Артаксеркс), во-вторых, указанием на наличие в Азии племен, не подчиняющихся Царю (кардухи, таохи, халдеи, макроны [V.5.17—18]). Упоминание макронов особенно примечательно, поскольку эллины заключают с ними союз (V.8.4—7). Кроме того, упомянут в «Анабасисе» и мятежный персам Египет (II.1.14). Изображение политической разобщенности Азии в противоположность процессу консолидации Эллады должно рассматриваться как амбивалентный фактор: с одной стороны, политические неурядицы в Азии ослабляют ее перед лицом эллинов и, следовательно, не требуют их объединения, а с другой — это облегчает решение задачи эллинской экспансии на Восток.

Все моменты «несхожести» эллинов и персов в тексте «Анабасиса», следует, вероятно, отнести к факторам, способствующим консолидации Эллады. Показательно в этом плане поведение Тиссаферна и Артаксеркса: убив эллинских стратегов, последние выступают как безбожники и клятвопреступники (III.2.4). Сюда же следует отнести и те места текста, где говорится о превосходстве эллинов над персами. Наиболее показательна здесь сцена военного парада, устроенного Киrom (I.2.15—18).

Идея греческого единства перед лицом персидской угрозы наиболее наглядно проявляется в изображении эллинов, оказывающихся в экстремальных ситуациях: после смерти царевича Кира и после гибели стратегов. Апеллируя к прошлому Эллады, Ксенофонт говорит о том, что нынешние персы — это потомки тех самых, которые уже не однажды бывали разбиты эллинами (III.2.9—16). Одним из главных отличий между эллинами и персами для автора «Анабасиса», как и для Геродота, является то, что у греков есть свобода, а у персов ее нет. Об этом говорит Кир Младший (I.7.3), то же констатирует сам Ксенофонт в речи, произнесенной после гибели стратегов (III.2.13), эта идея передается и через отношение персов к их вождям. После кончины Кира верные ему персы переходят на сторону Артаксеркса, в то время как после смерти стратегов эллины выбирают себе новых.

Таким образом, в «Анабасисе» Ксенофонт изображает взаимоотношения персов и эллинов, безусловно, с позиции идей, наследованных у Геродота. В то же время, в отличие от «отца истории» Ксенофонт не представляет Азию как

единое политическое образование под властью персов. Только в описании самых экстремальных ситуаций конфликт между отрядом наемников и Артаксерксом обобщенно предстает перед нами как конфликт между Элладой и Персией. Разницу в изображении персов у Ксенофонта и в предшествующей ему исторической традиции, можно объяснить, вероятно, изменением самой исторической ситуации.

С. С. Казаров

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ ЦАРЯ ПИРРА В ИТАЛИИ

Пережив крушение своих планов на Сицилии, Пирр в очередной раз был поставлен перед сложной дилеммой: либо, вернувшись в Македонию, принять участие в борьбе за македонский престол, либо, вняв новым призывам своих итальянских союзников, продолжить борьбу против Рима. Как известно, победило «западное направление»: после недолгих колебаний Пирр с 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. конников вновь оказался на итальянской земле.

Какими планами руководствовался он на этот раз? К сожалению, историческая традиция (Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Юстин, Зонара) не дает нам вразумительного ответа на этот вопрос. Немногим лучше обстоит дело и с современной историографией. Едва ли стоит всерьез относиться к позициям Д. Эббота и Ж. Каркопино, объяснявших отъезд Пирра из Сицилии в Италию импульсивностью, непомерным честолюбием и отсутствием четко продуманного плана¹. По мнению итальянского историка Антонио Санти, Пирр, уже готовившийся перенести войну из Сицилии в Африку, был вынужден отказаться от своих планов, «идя навстречу пожеланиям сломленных, доведенных до крайнего состояния союзников, особенно тарентинцев, которые пострадали больше других, возвратился в Италию»². На оказание помощи союзникам как на основной мотив указывают также немецкие ученые Р. Шуберт и Б. Низе³.

Едва ли можно согласиться с точкой зрения Л. Р. Вершинина, автора единственной в отечественной историографии статьи о последней кампании Пирра в Италии, согласно которому, в 275 г. до н. э. Пирр, «никем не ожидаемый, возвратился в Италию»⁴. К тому же это полностью противоречит данным античной традиции, в частности Плутарха (*Plut. Pyrrh.* 24).

По мнению Р. Скалы, призыв со стороны союзников из Италии был для Пирра своеобразным выходом из неудачного сицилийского похода, однако царь должен был осознавать, какой опасности он подвергает себя, следуя за ними.

¹ *Abbot J. Pyrrhus. N. Y., 1902. P. 182; Carcopino J. Profils de conquérants: Pyrrhus, conquérant ou aventurier? Paris, 1961. P. 85—87.*

² *Santi A. L'ultima campagna di Pirro in Italia // Neapolis. 1914. Vol. 2. P. 283.*

³ *Schubert R. Geschichte des Pyrrhus. Königsberg, 1894. S. 215; Niese B. Zur Geschichte des pyrrhischen Krieges // Hermes. 1896. Bd. 31. S. 501.*

⁴ *Вершинин Л. Р. Пиррова победа // ВИ. 1986. № 6. С. 89.*